

Н. ГУДЗИЙ

«БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ» ПУШКИНА

I. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Автографы «Братьев-разбойников» заключают в себе два кратких плана поэмы и несколько черновых набросков, связанных почти исключительно лишь с первым разделом второго плана — «Разбойники, история двух братьев». От белого автографа поэмы до нас дошло только 7 последних строк, большей частью не покрывающихся соответствующим текстом окончательной редакции и находящихся на уцелевшем последнем листе тетради, заключавшей в себе полный текст поэмы и посланной Пушкиным П. А. Вяземскому с припиской, датированной 11 ноября 1825 г.¹

Работе Пушкина над «Братьями-разбойниками», протекавшей в Кишиневе, очевидно, предшествовал план, начинающийся словами «Поэма. Вечером девица плачет, подговаривает», написанный на л. 61 об. тетради № 2365 (хранится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина), заведенной в начале 1821 г. Несмотря на то, что заполнение материалом этой тетради делалось в общем в хронологической постепенности, в нескольких случаях мы наблюдаем здесь отступления от этого правила: в частности, таким отступлением, нужно думать, является занесение в конец тетради первого плана поэмы и возвращение в дальнейшей работе над «Братьями-разбойниками» к предыдущим, оставшимся пока чистыми листам тетради. Этот план написан бледными чернилами, отличными по цвету от чернил более густых, какими написаны тексты на соседних листах. Он помещен сверху страницы, начинаясь с самого его края, и вслед за ним следуют рисунки, в центре которых профиль французского эке-офицера Дегильи, которого Пушкин в начале июня 1821 г. вызвал на дуэль и которому 6 июня, в связи с его отказом от дуэли, послал оскорбительное письмо. У края страницы — две скрещенных рапиры.

Впереди плана (л. 60—61, до конца листа) идут черновики «Вадима» и исторических заметок о Петре I («Петр I не страшился...»), далее, на л. 62 — отрывок из стихотворения «Наполеон», но последние строки этого листа заняты продолжением заметок о Петре I, переходящих и на следующие листы. Этим расположением материала подтверждается, что план, начинающийся словами «Поэма. Девица плачет, подговаривает», был написан на л. 61 об. до заполнения лицевой стороны л. 61: начав писать заметки о Петре I, Пушкин столкнулся с за-

¹ Все эти тексты см. в полном собр. соч. Пушкина, Акад. Наук СССР, 1937, IV, 372—381.

полненным уже л. 61 об. и в большей своей части исписанным листом 62 и вынужден был продолжать свои заметки лишь на оставшейся небольшой части 62 листа.

Таким образом по первоначальному плану поэма должна была начинаться с рассказа о волжском атамане и похищенной им деве, затем покинутой им ради другой и сходящей с ума. Нет сомнения, что рисунок с Дегильи в центре на л. 61 об. должны датироваться временем столкновения с ним Пушкина, т. е. 4—6 июня 1821 г. Предшествующий рисункам план, нужно думать, был написан около этого времени, т. е. в конце мая или в начале июня 1821 г.— время, каким нужно датировать начало работы Пушкина над «Братьями-разбойниками».

Возможно, что вслед за первым планом Пушкин написал отрывок, читающийся в записной книжке (хранится в Публичной библиотеке РСФСР им. Салтыкова-Щедрина), начинающийся словами «На Волге в темноте ночной» и находящийся в соответствии с замыслом, наметченным в плане. Отрывок не датирован, как не датированы и ближайшие к нему по месту расположения тексты, записанные в этой тетради. Можно думать, однако, судя по хронологии дальнейших ближайших этапов работы над «Братьями-разбойниками», что он относится к июню или к июлю 1821 г.

Однако, вскоре после этого Пушкин решил осложнить сюжет своей поэмы, предварив рассказ об атамане и двух девах историей двух братьев-разбойников. Так возник второй план поэмы, набросанный на л. 46 тетради № 2365 и начинающийся словами «I. разбойники, история двух братьев» и далее в трех рубриках кратко намечающий то же содержание, какое мы имеем и в первом плане, причем при слове «атаман» делается очень характерная помета: «хлад его etc». План этот написан на оставшемся, видимо, до сих пор чистом листе бумаги. Перед ним, сверху страницы, написано начало французского письма: «Votre lettre est arrivée fort à propos j'en avais besoin» и слово «напрасно», связанное, видимо, с черновыми набросками на л. 45 об. стихотворения «Напрасно роуц оглашает // Охотника веселый рог», и вслед за ним черновое начало стихотворения: «Одна черта руки моей// Тебе довольно, друг мой нежный» и заметка: «Олег в Византию — Игорь и Ольга — поход». Поверх написанного Пушкин сделал несколько рисунков, часть которых изображает А. Ипсиланти, княгиню Ольгу, Марата, Занда и Лувеля.

Как в дальнейшем Пушкин намеревался соединить тему братьев-разбойников с темой атамана и двух дев,— трудно догадываться. На л. 45 об. находим также набросок к «Кавказскому пленнику», датированный 26 июля 1821 г. Таким образом запись второго плана следует датировать временем между 18 и 26 июля 1821 г.

Но прежде чем взяться за осуществление нового плана поэмы, Пушкин на тему первого его раздела начал писать стихотворение в балладной форме: на л. 51 той же тетради ЛБ 65 читается набросок, озаглавленный «Молд. ...» (т. е. «молдавская песня» или что-нибудь в этом роде), написанный четырехстопным амфибрахийем и заставляющий думать, что вещь задумана была, как сказано, в форме баллады, наподобие незадолго перед этим написанной Пушкиным и ставшей вскоре очень популярной «Черной шали» или гетевского «Лесного царя» в переводе Жуковского (1816 г.). Явные reminiscences из стихотворения Жуковского дают себя знать в строке наброска «Купец (Ездок) обробелый скакал на коне» с ее вариантом «Ездок одинокий в дубраве

скакал»¹. Мы не имеем оснований думать, судя по размеру, каким написан отрывок, и судя по темпу, в каком развивается повествование, чтобы этот отрывок мыслился Пушкиным как начало его поэмы о разбойниках. Скорее всего он должен был вылиться в произведение, по размерам не превышающее собой обычного размера баллады типа той же «Черной пали». набросок начинается непосредственно с рассказа одного из братьев, а не с картины разбойничьего лагеря, как в окончательном тексте «Братьев-разбойников». Распространенный позднее на несколько строк рассказ о тяжелой доле братьев в чужой семье здесь занимает всего лишь одну строку, после нескольких исправлений читаемую так: «И жалкую младость в нужде провели». Отрывок не датирован. Судя по положению этого отрывка в тетради, он был написан в промежуток времени между концом августа и последними месяцами 1821 г. [последняя по порядку дата к стихотворению, предшествующему отрывку и написанному на л. 47 об. («Мой друг, забыты мной следы минувших лет») — 24 августа 1821 г., следующие же за набросками стихотворения («Наполеон», «К Овидию») датируются концом 1821 г.]

Вслед за этим, на следующем 52-52 об. листе той же тетради (л. 51 об. целиком заполнен карандашными рисунками) Пушкин, оставив работу над балладой на сюжет о братьях-разбойниках, принимается за писание на этот сюжет поэмы; четырехстопный амфибрахий сменяется четырехстопным ямбом, повествование замедляется в своем развитии и осложняется рядом подробностей, попрежнему начинаясь, однако, с рассказа оставшегося в живых разбойника. В этом новом начале и в зачеркнутых вариантах его отдельных строк и слов есть несколько существенных подробностей, устраненных в тексте окончательной редакции поэмы: сильнее и эмоциональнее подчеркнута заброшенность в детстве братьев, говорится об их отчужденности от своих сверстников и их забав, о склонности юных умов к мрачным и суровым думам и жестоким забавам над стадами, птицами и сельскими девушками; они тяготятся своей участью крепостных крестьян-пастухов, им наскучила «барская соха». Тематически новое начало соответствует строкам 41—58 окончательного текста поэмы. Целиком с текстом этого начала совпадают лишь строки 41, 44, 46, 55 и 56 текста в окончательной редакции.

Очевидно, вслед за этим Пушкиным набросано было начало описания разбойничьего табора, соответствующее первым 17-ти стихам окончательного текста поэмы. Оно написано на части полулиста писчей бумаги, хранящегося в Пушкинском доме и заключающего в себе, помимо материала, относящегося к «Братьям-разбойникам», черновой текст стихотворения «Гречанка милая, не плачь, он пал героем» и французский перевод из «Гяура» Байрона.

В этом описании много зачеркнутых слов, свидетельствующих об упорной работе поэта в поисках за нужным образом, за точной деталью. Большинство стихов также зачеркнуто; целиком в окончательный

¹ Ср. у Жуковского:

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

и

Ездок оробелый не скачет, летит.

текст вошло лишь четыре стиха, занимающие в нем 1-е, 4-е, 5-е и 9-е места. В двух стихах окончательного текста (во 2-м и в 8-м) восстановлены слова, в черновом автографе зачеркнутые. Два стиха этого чернового автографа —

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, и лет, и состояний,—

(в окончательной редакции — «Племен, наречий, состояний»), видимо, подсказаны были Пушкину, как указал П. О. Морозов, следующими строками из стихотворения Державина «На рождение царицы Грими-славы»:

Какие разные народы,
Язык, одежды, лица, стан¹.

Написанное на полулисте, а следовательно и находящийся на нем набросок «Братьев-разбойников», датируется концом 1821—началом 1822 г.

Продолжением этого наброска является черновой текст, написанный на л. 19—19 об. тетради Ленинской библиотеки № 2366. Он включает в себе дальнейшее описание разбойничьего табора и соответствует в большей своей части стихам 18—40 окончательного текста, с которым у него больше совпадений, чем это наблюдается в отношении к окончательному тексту в других черновых набросках. Стихи 19—22, 24, 26 и 27 окончательного текста тематически целиком покрываются стихами этого черновика; в некоторых случаях в стихах окончательного текста (в 18-м, 25-м) восстановлены первоначально зачеркнутые чтения. Вслед за описанием разбойничьего табора повторен уже ранее написанный стих: «Нас было двое: брат и я», после чего Пушкин вновь возвращается к той части поэмы, которая соответствует стихам 12—17 окончательного ее текста. В несколько незавершенных стихах последнего наброска — следующий этап на пути к установлению окончательного текста соответствующих стихов.

Тетрадь № 2366 была заведена Пушкиным в начале 1822 г. На листах, предшествующих 19-му, где помещен отрывок «Братьев-разбойников», имеются следующие даты: 1 марта 1822 г. (л. 61—«Песнь о вещем Олеге») и 16 апреля (л. 13 об.— набросок, впоследствии использованный в I главе «Евгения Онегина»). Следовательно, текст «Братьев-разбойников» в тетради № 2366 следует датировать близко к середине апреля 1822 г.

Четыре следующих листа, на которых, возможно, было написано черновое продолжение поэмы, вырваны, видимо, самим Пушкиным, и непосредственно вслед за уцелевшим листом с текстом «Братьев-разбойников» идут черновые наброски «Бахчисарайского фонтана» (последний вырванный лист, однако, судя по уцелевшим на его корешке буквам, был занят «Бахчисарайским фонтаном»). Основываясь на количестве вырванных листов, на которых мог быть написан дальнейший текст «Братьев-разбойников», нужно думать, что если действительно он тут был написан, то не выходил по своему содержанию за пределы темы, намеченной в первой по порядку записи первого плана, т. е. заключал в себе «историю двух братьев», приблизительно совпадавшую с той, которая изложена в окончательном печатном тексте.

¹ Примечание к «Братьям-разбойникам» в соч. Пушкина под ред. Морозова, изд. т-ва «Прозвещение», III, 622.

13 июня 1825 г. Пушкин писал А. А. Бестужеву: «разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Пол[ярной] Зв[езды]», то напечатай его»¹. Сжег ли действительно Пушкин часть своей поэмы или только намеревался сжечь, это, очевидно, могло быть больше чем за год до его письма к Бестужеву, как это видно из чернового письма Пушкина к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г., в котором находим первое известие о поэме: «Есть у меня еще отрывок ст[ихов] 200 — прислать вам его для пенз[уры]?»². Окончательный печатный текст «Братьев-разбойников» содержит в себе 255 стихов; следовательно, в конце апреля 1822 г. Пушкин намерен был опубликовать, нужно думать, как раз тот самый «отрывок», который в действительности и был напечатан.

Очевидно, намерение опубликовать отрывок созрело у Пушкина тогда, когда он из всего им написанного на сюжет о разбойниках решил выделить лишь то, что соответствовало первому разделу второго плана, если вообще Пушкин что-нибудь кроме этого для поэмы написал.

В таком случае окончание работы над поэмой следует датировать апрелем 1822 г. Этому как будто противоречит свидетельство самого Пушкина в его письме к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1823 г., где он, отрицая влияние на «Братьев-разбойников» «Шильонского узника» Байрона, указывает на то, что отрывок им написан в конце 1821 г.³ Но нет необходимости с этой датой считаться как с точной. Несомненно, к концу 1821 г. в основном не только было намечено содержание отрывка, но самый отрывок в большей своей части был написан. Приурочение окончания работы над «Братьями-разбойниками» к 1822 г. диктуется, помимо сказанного, во-первых, тем, что мы находим поэму в списке произведений 1822 г. (в одном из перечней, сделанных Пушкиным в тетради ЛБ № 65, л. 53), во-вторых, тем, что в обоих отдельных изданиях ее 1827 г. (см. ниже) помечено, что она написана в 1822 г.

У нас, как оговорено выше, нет полной уверенности в том, что Пушкиным была написана и затем сожжена еще какая-то часть поэмы, кроме той, которая им была напечатана; следов этой сожженной части, хотя бы в виде отдельных черновых отрывков, нигде не сохранилось; предполагать, что Пушкин уничтожил написанное для поэмы в виду его крайней цензурности, мы также не имеем достаточных оснований. Быть может, сообщение Пушкина Бестужеву о сожжении большей части поэмы было лишь простой отговоркой, нужной ему для того, чтобы оправдать название «Братьев-разбойников» отрывком. Возможно, Пушкину казалось, что произведение, задуманное им в форме поэмы в том виде, как оно им было написано, не соответствует тому, чем поэма на самом деле должна быть: оно вышло слишком коротким и, будучи построено почти исключительно в форме монолога, в сюжет-

¹ Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 51. Ср. сообщение Е. Н. Орловой в письме из Кишинева к своему брату А. Н. Раевскому от 8 декабря 1822 г.: «Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончать». («Былое», 1906, октябрь, с. 308).

² Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 29.

³ См. Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 62.

ном отношении было бледнее ранее написанных «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» и уже задуманного и начатого «Бахчисарайского фонтана».

Но как бы то ни было, очевидно, в недошедшей до нас или неосуществленной части поэмы должна была развиваться тема первого плана и трех последних разделов второго, т. е. атамана и его романтических отношений с двумя девами. Однако, в таком случае она соприкоснулась с другой параллельной темой на крымский сюжет, которая задумана была Пушкиным еще до начала работы над «Братьями-разбойниками», даже до составления ее первого плана, и которая впоследствии обработана была в «Бахчисарайском фонтане». О замысле крымской поэмы мы узнаем из писем Пушкина от конца марта 1821 г. Апрельем — июнем того же года следует датировать проекты вступления Пушкина к этой поэме («Кто видел край» и «Там некогда, мечтаньем упоенный»), к августу же относятся наброски начала «Бахчисарайского фонтана», в том числе первый из них — «Довлет-Гирей задумчиво сидит». Таким образом почти одновременно у Пушкина созревали замыслы двух произведений, в которых разрабатывалась одинаковая ситуация — герой с охлажденной душой отвергает влюбленную в него деву ради другой, которая его не любит и умирает, после чего он «пускается на все злодейства». В конце концов Пушкиным предпочтен был крымский вариант сюжета, и тогда эта тема естественно выпала из поэмы, в которой рассказ начинается с истории двух братьев-разбойников, выпала независимо от того, была или не была она в какой-либо степени разработана¹.

В посмертном издании сочинений Пушкина (т. II, 1838 г., сс. 191—202) текст «Братьев-разбойников» был напечатан с добавлением шестнадцати заключительных стихов, отсутствующих во всех прижизненных изданиях, начиная с текста, напечатанного в «Полярной Звезде» за 1825 г:

Умолк и буйной головою
Разбойник в горести поник,
И слез горючею рекою
Свирепый оросился лик.
Смеясь, товарищи сказали:
Ты плачешь! Полно, брось печали,
Зачем о мертвых вспоминать?
Мы живы, станем пировать,
Ну, потчивай сосед соседа!
И кружка вновь пошла кругом;
На миг утихшая беседа
Вновь оживляется вином;
У всякого своя есть повесть,
Всяк хвалит меткий свой кистень.
Шум, крик. В их сердце дремлет совесть:
Она проснется в черный день.

В дальнейших изданиях сочинений Пушкина, начиная с Анненковского вплоть до Венгеровского, «Братья-разбойники» печатались, по примеру первого посмертного издания сочинений Пушкина, со включением указанных шестнадцати стихов. Впервые после прижизненных пушкинских изданий поэма стала печататься без добавления этих стихов, начиная с собрания сочинений Пушкина в издании «Просвеще-

¹ Анненков (Материалы для биографии, с. 115) высказал мысль, что «из материалов, заготовленных для Разбойников, вышла впоследствии, в 1825 г., пьеса «Жених», первый образец простонародной русской сказки».

ния», под редакцией П. О. Морозова (1909 г.). Исключение их Морозов мотивировал тем, что они отсутствуют в изданиях поэмы, напечатанных при жизни Пушкина, и что они неизвестны и по рукописям. Появление их в первом посмертном издании Морозов объясняет тем, что они или восходят к недошедшей до нас рукописи Пушкина, или добавлены редактором издания Жуковским, которому принадлежит немалое количество изменений в посмертном пушкинском тексте¹.

Однако предположение Морозова о принадлежности перу Жуковского заключительных стихов поэмы, появившихся впервые в первом посмертном издании сочинений Пушкина, вряд ли основательно. Вмешательство Жуковского в пушкинский текст вызывалось преимущественно соображениями цензурного свойства, и мы не знаем ни одного достоверного случая, где бы это вмешательство проявлялось в дополнении пушкинских произведений значительным количеством стихотворных строк. Гораздо вероятнее первое предположение Морозова, по которому мы имеем здесь дело с текстом, восходящим к недошедшей до нас рукописи Пушкина.

На принадлежность Пушкину заключительных стихов поэмы, впервые появившихся в посмертном издании его сочинений, совершенно определенно указывает ближайший участник этого издания, друг Пушкина, П. А. Плетнев. Через год после смерти поэта он писал: «1827 напечатаны, сверх III главы Онегина, следующие его поэмы: Цыганы, Братья-разбойники и Граф Нулин. Ко второму из них впоследствии присоединил он небольшое вступление, но столь замечательное по новости сурового характера в картине и верности колорита, что оно может быть причислено к отрывкам самого высокого достоинства. Подобного тону прибавление к этой поэме, найденное в бумагах автора, помещено в полном издании на конце поэмы, которая вся поразительна силою воли, глубиной ощущений и воплями сердца»². В сентябре 1837 г. Плетнев обнаруженные в бумагах Пушкина строки послал на рассмотрение петербургского цензурного комитета, который поручил дать отзыв о них цензору А. В. Никитинке³.

Авторство Пушкина в отношении этих строк подтверждается и тем, что отдельными своими стилистическими и тематическими особенностями они могут быть сближены с другими произведениями Пушкина той же приблизительно поры. Начало дополнительного абзаца, следующего за речью разбойника, — «Умолк» и т. д. — сближается с началом абзаца из «Кавказского пленника» — «Умолкла. Слезы и стенанья» и т. д., следующего за речью черкешенки. Эпитет «буйной» в сочетании «буйной головой» находится в соответствии с народно-песенными эпитетами, встречающимися в поэме. Следующие три строки по своей фразеологии являются типическими для стиля «байронических» поэм,

¹ Сочинения и письма Пушкина под ред. П. О. Морозова, СПб 1909, III 453.

² «А. С. Пушкин». «Современник», 1938, X, 39. См. также Сочинения и переписка П. А. Плетнева, СПб. 1883, I, 376, 377. В этой справке Плетнева есть, однако, какая-то неясность в том месте, где речь идет о вступлении к поэме: По точному смыслу цитаты выходит, что после напечатания «Братьев-разбойников» Пушкин написал к ним еще какое-то вступление. Но, судя по характеристике и оценке этого вступления, как они даны Плетневым, речь у него идет о первых сорока строках «Братьев-разбойников» («Не стая воронов слеталась... И все вокруг него внимают»), появившихся в первых же печатных публикациях поэмы, но в процессе работы Пушкина над ней написанных позднее, чем последующие строки.

³ Известия Акад. Наук, 1911, с. 518.

Пушкина. Слезы персонажей этих поэм, как результат пережитого волнения,—обычная подробность и в «Кавказском пленнике», и в «Бахчисарайском фонтане». Стих «И слез горячею рекою» легко сопоставить со стихом «Горючи слезы льет рекой» из «Бахчисарайского фонтана». Далее—эпитет «свирепый» («свирепый лик») нередок вообще в ранних произведениях Пушкина: «в нем гнев свирепый умирает» («Руслан и Людмила», песнь третья), «Ты, жажда гибели, свирепый жар героев («Война»), «Свирепым смехом упрекнул» («Цыганы»). В стихе «И к р у ж к а вновь пошла к р у г о м» выделенные нами слова имеются в следующих стихах черновика тетради № 66 ЛБ:

И кружка полная вина
[Кругом обходит]

В стихе «На миг утихшая беседа» выделенное слово «беседа» находит себе соответствие в стихах того же черновика: «[другим] беседа сокращает» и «[Других беседа занимает]». В стихе «У каждого своя есть повесть» слово «повесть» находит себе семантическую параллель в двустишии из «Цыган»:

Послушай, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.

Упоминание о кистене в стихе «Всяк хвалит меткий свой кистень» встречается в черновике тетради № 65 ЛБ—«Кистень приполд нам по руке» и в окончательном тексте—«Тяжелым машет кистенем». Слова «Шум, крик» встречаются и в «Цыганах»: «Крик, шум, цыганские припевы». Наконец, последний стих: «Она¹ проснется в черный день» может быть сопоставлен со стихом из тех же «Цыган»: «Они² проснутся: погоди».

Но, несмотря на очевидную принадлежность Пушкину рассмотренных только что шестнадцати стихов, они не могут быть введены в окончательный текст поэмы на том бесспорном основании, что сам Пушкин не ввел их ни в одно из четырех ее изданий, вышедших при его жизни. Включение этих стихов в поэму оправдывалось бы единственно в том лишь случае, если бы мы имели основание утверждать, что они написаны Пушкиным после последней прижизненной публикации «Братьев-разбойников» 1835 г. Но нет никакого сомнения, судя по общему характеру стиля стихов, что они написаны тогда же, когда поэт работал вообще над своей поэмой³.

Поэтому окончательным текстом «Братьев-разбойников», необходимо считать последнюю прижизненную публикацию в книге «Поэмы и повести Александра Пушкина», часть вторая, 1835 г.

II. ИСТОЧНИКИ. СТИЛЬ ПОЭМЫ

По словам самого Пушкина, поводом к написанию «Братьев-разбойников» было происшествие, свидетелем которого он был во время своего

¹ Совесть.

² Страсти.

³ Н. О. Лернер в заметке «Вопрос об окончании Братьев-разбойников» («Рассказы о Пушкине», изд. «Прибой», Лгр. 1929, сс. 204—206), высказываясь на основании свидетельства Плетнева, в пользу несомненной принадлежности Пушкину заключительных шестнадцати стихов «Братьев-разбойников», отказывается от решения вопроса о включении или невключении их в текст поэмы при наличных данных, когда нельзя с уверенностью сказать, написал ли Пушкин их до выхода последнего прижизненного издания его сочинений

пребывания в Екатеринославе во второй половине мая — начале июня 1820 г. Посылая поэму П. А. Вяземскому, он писал ему 11 ноября 1823 г. «Вот тебе и разбойники. Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославе два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуман»¹. Около 1830 г. в одной из своих заметок Пушкин писал: «Не помню, кто заметил мне, что вероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе»². Эти указания Пушкина дополняются кое-какими подробностями, изложенными в «Письме в редакцию» екатеринославского старожилы Г. Мекленбурцова, напечатанном в газете «Приднепровский край». Точно определяя усадьбу, в которой жил Пушкин в пору своего пребывания в Екатеринославе (на Мандрыковке, на берегу Днепра), Г. Мекленбурцов пишет: «В Мандрыковке, близ реки Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания поэта бежали два брата арестанта, побочные дети помещика Засорина, о которых Александр Сергеевич и написал известную поэму «Братья-разбойники»³.

Сообщение Мекленбурцова, а также двух других екатеринославских старожилов, В. Татаренко и А. Воеводина⁴, о пребывании Пушкина в бытность в Екатеринославе в усадьбе, расположенной на берегу Днепра, довольно существенно, так как дает возможность предполагать, что поэт был очевидцем бегства вплавь через реку братьев-арестантов. Мекленбурцов далее сообщает, что беглецы-арестанты были побочными детьми помещика. Можно думать, что Пушкин знал об этом. Намек на побочное происхождение арестантов не трудно усмотреть как в строках окончательного текста —

нашу младость
Вскормила чуждая семья,

так и в сходных по смыслу черновых вариантах этих строк. Происхождение братьев от помещика и, следовательно, связь их с сельским помещьем косвенно подтверждается указаниями черновиков на то, что молодость их прошла в «селеньи», что отрадой их было бродить «вкруг отдыхающего стада», что их забавой было пугать «сельских девочек» и, наконец, упоминанием «сельских праздников» и «барской сохи».

1835 г., или после их выхода. Совершенно правильно утверждая, что и с этими шестнадцатью строками и без них поэма производит вполне цельное впечатление, Лернер все же склонен думать, что «моральное» окончание произведения не в духе Пушкина начала 20-х годов, и ставит вопрос о том, не было ли оно написано в тридцатых. Но не говоря уже о спорности утверждения, что «моральный» элемент не в духе Пушкина начала 20-х годов (вспомним хотя бы «Цыган», очень недалеко отстоящих от начала 20-х годов), этот элемент можно усмотреть и в последних строках прижизненных печатных текстов «Братьев-разбойников» («Пирь, веселые ночлеги!.. Могила брата все взяла», «Но иногда шажу морщины» и т. д. до конца).

¹ Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 61.

² А. С. Пушкин. Полное собр. соч. ГИХЛ, изд. 4-е, М., 1936, с. 142.

³ «Приднепровский край», 1899 г. № 392 от 16 февраля. Перепечатано М. А. Цявловским в «Книге воспоминаний о Пушкине», изд. «Мир», М. 1931, сс. 47, 48.

⁴ См. «Приднепровский край» 1899 г., № 413 и 416 от 27 февраля и 3 марта. Перепечатано М. А. Цявловским в указанной книге, сс. 49-51.

Л. Н. Майков в свое время высказал предположение, что Пушкин и во время своего странствования с В. Н. Раевским по южным степям и казачьим станицам мог слышать рассказы не только о екатеринославском происшествии, но и о разных похождениях разбойничьих шаек. «Последний отголосок народных и казачьих смут, почти непрерывно волновавших широкою степь от Днепра до Яика в XVII и XVIII столетиях, разбой были еще не редким явлением в том крае в первые десятилетия текущего (т. е. XIX.—Н. Г.) века»¹. Особенно, по словам Л. Н. Майкова, это относилось к кавказским казачьим станицам, где часто укрывались беглые из внутренней России. В другом месте, опровергая догадку А. Ф. Вельтмана, по которой «Братья-разбойники» внушены Пушкину впечатлением от талгаря (разбойника) Урсула, главаря шайки, служившей молдавской этерии и перебравшейся в Бессарабию после Скулянского дела² (Пушкин не мог видеть Урсула, так как поимка его в Кишиневе последовала только в апреле 1825 г., когда поэма была уже написана), Майков пишет: «Тем не менее есть доля правды в словах Вельтмана. Типы удальцов греческих, южнославянских и румынских, которых Пушкин видал в бытность свою в Бессарабии, несомненно производили сильное впечатление на его воображение, и именно тем, что в них своеобразно сочетались, с одной стороны, страстные порывы к народной свободе, а с другой — дикие инстинкты людей, выросших под давлением всяческого гнета и вне всяких влияний. Эти впечатления встретили Пушкина при самом прибытии в Кишинев и сопровождали в течение всей его тамошней жизни... Таким образом еще раньше свидания с талгарем Урсулом Пушкин познакомился с этим родом людей, и понятно, что некоторые черты из их характеристики могли попасть в тот юношеский набросок, который представляют собой «Братья-разбойники»³.

Новейший исследователь «Братьев-разбойников» В. А. Закруткин приводит целый ряд фактов, свидетельствующих о широком распространении разбоев в Бессарабии в пору пребывания там Пушкина⁴. Главный контингент этих шаек состоял из беглецов. Очень характерно, что бессарабские разбойничьи шайки отличались такой же разноплеменностью, как и разбойничья шайка, фигурирующая в поэме Пушкина. Соображения В. А. Закруткина о влиянии реальной обстановки бессарабской жизни на замыслы Пушкина достаточно правдоподобны, однако неприемлема его догадка о том, что план поэмы и первые черновые наброски ее относятся ко времени путешествия Пушкина с Липранди по Бессарабии с 9 по 25 декабря 1821 г. в места, кишевшие разбойничьими шайками⁵: начало работы Пушкина над «Братьями-разбойниками» относится, как мы сказали выше, к маю — июню 1821 г.

В процессе работы над поэмой Пушкин находился под влиянием, с одной стороны, литературных образцов, с другой стороны — народных разбойничьих песен. Уже самое сопоставление отдельных записей в обоих планах свидетельствует о том, что темы и мотивы этих записей не однородны по своим источникам. Если часть их обнаруживает связь с устно-поэтическим песенным материалом, то другая часть (последние

¹ «Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским» — «Пушкин», с. 153.

² См. Л. Майков. «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана» — «Пушкин» с. 127.

³ Там же, сс. 133, 134.

⁴ «Братья-разбойники» Пушкина». Ученые записки Гос. педагог. института им. Герцена, 1936, II, 219, 230.

⁵ Там же, с. 225.

записи обоих планов, намечающие трагическую судьбу обеих девушек и самого атамана) явно связана с литературной традицией.

Тема разбойника-мстителя за поруганную справедливость в ту пору пользовалась значительной популярностью в художественной литературе. Достаточно вспомнить хотя бы шиллеровских «Разбойников». Однако основная литературная традиция, определившая собой содержание и форму «Братьев-разбойников», шла от романтической поэмы Байрона, скорее всего от «Корсара» и «Шильонского узника». Фигура байроновского Конрада, опоэтизированного пирата, разбойника, мстящего людям и обществу за их несправедливость, протестанта против социальной неправды и условно-лживой морали, человека с охлажденной душой, не могла не импонировать Пушкину в период, когда он сам остро переживал чувство обиды и резкого недовольства по поводу постигшей его ссылки. Пушкинские разбойники — также жертва социальной несправедливости и также мстители за эту несправедливость. Во втором плане поэмы рядом с записью «Атаман и с ним дева» стоит: «хлад его etc».

Жизнь и судьба Конрада осложняется трагическим душевным конфликтом, который создается романтической связью с двумя женщинами — Медорой и Гюльнаррой. Судьба атамана, как она намечена в обоих планах «Братьев-разбойников», также связана с любовной историей его отношений к двум девушкам, развивающейся, однако, судя по планам, в иной плоскости, чем это мы имеем в «Корсаре», и напоминающей ситуацию позднейшего «Бахчисарайского фонтана». Внешнее сходство между «Корсаром» и «Братьями-разбойниками» дает себя знать в известной степени и в описании разбойничьего лагеря в обеих поэмах. С «Шильонским узником» поэму Пушкина сближает рассказ разбойника о смерти своего младшего брата, напоминающий рассказ борца за свободу — Бонивара, героя «Шильонского узника», о смерти в тюрьме его двух младших братьев. Впрочем у нас нет уверенности в том, что Пушкин до написания «Братьев-разбойников» познакомился с байроновской поэмой. Во всяком случае с переводом «Шильонского узника» Жуковского в ту пору он не мог быть знаком, так как самый перевод этот был напечатан в 1822 г., после того как работа над «Братьями-разбойниками» Пушкиным в основном была закончена. В цитированном выше письме к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1823 г. он пишет о своей поэме: «Некоторые стихи напоминают перевод Шильонского Узника. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 1821 года»¹. Эти слова, по всей вероятности, нужно толковать в том смысле, что Пушкин до написания «Братьев-разбойников» не был знаком не только с переводом Жуковского, но и с самой поэмой Байрона, так как в стихах перевода Жуковского самих по себе трудно усмотреть сходство со стихами «Братьев-разбойников».

¹ Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, сс. 61, 62.

Историко-литературный анализ влияния обеих поэм Байрона на «Братьев-разбойников» см. А. Незеленов. «Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии». Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799—1826). СПб. 1882, сс. 100—105 (перепечатано в собрании сочинений проф. А. И. Незеленова, СПб. 1903, I, 116—121); Л. Майков. «Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским». Историко-литературные очерки. СПб. 1895, сс. 148—151 (перепечатано в книге. «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки». СПб.

Рядом с влиянием Байрона на поэме Пушкина сказалось и влияние народных разбойничьих песен, в частности, нужно думать, песен о Степане Разине. Интерес к личности последнего, особенно сильно проявившийся у Пушкина, как известно, в середине 20-х годов, возник у него, как предполагает Л. Н. Майков¹, еще в 1820 г., когда он странствовал по южным степям и казачьим станицам вместе с Н. Н. Раевским, также очень интересовавшимся Разиным, собиравшим о нем исторические сведения и задумавшим даже писать труд по истории разиновщины. Возможно, что уже тогда Пушкин начал свои записи песен о Разине, продолженные им в пору его пребывания в ссылке в Михайловском. 24 сентября 1820 г. он писал своему брату Льву Сергеевичу из Кишинева: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками... Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова»².

Сохранилось большое количество песен, в которых идет речь о девушке, захваченной в плен разбойниками и ставшей любовницей безымянного атамана. Часть этих песен впоследствии связалась с циклом песен о Разине. В качестве образца таких песен можно привести песню, помещенную в Чулковском «Собрании разных песен», часть III, 1773 г., и затем перепечатанную в Новиковском «Новом и полном собрании российских песен», ч. III, 1780 г. Песня начинается с того, что молодцы обращаются к красному солнышку с просьбой согреть их и обсушить им платье после «рукопашного сраженьица» «в начале осени, в начале холодных», в котором молодцы ничем не поживились,

Полонили только девицу,
Красну-девицу, дочь отецкую.

И далее идет такое продолжение:

Что пониже было города Нижнего,
Что повыше было села Лыскова,
Супротив того села Юрьева,
С луговой было со стороншки,
Выпадала туг речка Керженка.
Что по той ли речке Керженке
Как плывет тут легка лодочка.
Хорошо лодка изукрашена;
Что распита легка лодочка
На двенадцатеры веселочки.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит есаул с багром,
По каям лодки добры молодцы,
Посередь лодки красна девица,
Разбойническая пленница,
Атаманова полюбовница.
Она плачет, что река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.
Как возговорит красна девица:
«Ты прости, прости, отец и мать,
Ты прости, прости, и род-племя!

1899, сс. 157-160). Н. Котляревский. «Братья-разбойники», Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин, изд. Брокгауз-Ефрон, СПб. 1908, II, 122—126. В. Ж и р м у н с к и й. «Байрон и Пушкин», Лгр. 1924.

¹ «Пушкин», сс. 153—157.

² Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 12, 13.

Уж мне с вами не видатися,
Я досталася разбойникам,
Не нажить уж мне своей воли»¹.

Вариант этой песни представляет собой песня I части Чулковского сборника (а также I части Новиковского Собрания песен 1780 г. и «Новейшего и полного российского общенародного песенника», 1810 г.) — «Ах, ты наш батюшка Ярославль город». В разбойничьей лодке плывет

...красна девица,
Есаулова родна сестрица,
Атаманова полюбовница.

Она, горько плача, рассказывает свой вещий сон, который означает, что атаман будет пойман, есаул повешен, у добрых молодцев отрубят головы, а ее, красну девицу, посадят в темницу².

Дальнейшие варианты этих песен находим в позднейших записях³.

Следующая песня, записанная в позднейшее время в Уральской области, уже приурочивается к разинскому циклу:

Как по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспийскому,
Завиднелась в море легка лодочка
Не простая лодка, разъедна-красна;
Хорошохонык лодка изукрашена,
Бурсым жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На корме-то сидел есаул с рулем,
А в носу сидел атаман с ружьем.
Посреди лодки — золота казна,
На золотой казне лежит цветно платье,
На цветном платье сидит красна девица,
Есаулушки она — сестра родная,
Атаманушко — полюбовница.
Как сидит она, слезно плачет;
Атаманушка плакать уговаривал:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери»⁴.

Обещания атамана отвезти пленную девицу в ее «землюшку» заставляет предполагать, что пленница — чужеземка, точно так же как и персидская царевна, фигурирующая в Пушкинской песне о Разине — «Как по Волге реке, по широкой» (Деталь — «Есаулушки она — сестра родная» — общее место многих песен этого цикла).

В записи, быть может современной Пушкину, фигурирует брошенная разбойником девушка, горько жалующаяся на свою судьбу, т. е. здесь мы имеем дело с ситуацией, сходной с той, которая намечена в обоих планах поэмы. Разбойник, покинувший любящую его девушку, оказывается сыном Степана Разина.

Как не буйны ветры в чистом поле бушевали,
Бушевала бела грудь красной девицы,
Раздиралась ретиво сердечко у молодущки,

¹ Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Изд. отд. русского языка и словесности Акад. Наук, СПб, 1913, I, 611, 612.

² Там же, сс. 224, 225.

³ Ср. «Великорусские народные песни». Изданы проф. А. И. Соболевским, СПб. 1900, VI, сс. 315, 322, 323-328, № 405, 407-412, 414-120.

⁴ «Сборник уральских казачьих песен». Н. Г. Мякушина, СПб. 1890. с. 41, № 12. Перепечатана у В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборник отд. русского языка и словесности Акад. Наук. Лтр. 1915, ХСIII, 729, № 308

Тосковала красна девица по любовничку,
Возрыдала я еще, голубушка, по обманчику;
В возрыданьице она речи молвила:

«Ах на что меня родители породили,
А на что меня на свет пустили?
Для того ли, чтоб кручиниться,
Для того ли, чтоб мне век печалиться?
Как и был у меня мил сердечный друг,
Он любил меня и жаловал,
Много золота, сѣребра обещивал,
Он частенько говаривал:
«Я куплю тебе, девица, цветно платье,
А на шею твою белу жемчужны жерелья,
На головушку твою золотой повойник,
Я сострою те, девица, каменны палаты,
Я поставлю во палатах кровать тесовую,
На кроватьку положу перину пуховую,
Я покрою постельюшку с одеялом соболиным;
Я частенько буду, девица, к тебе ѣзжати
И со Волги со разбою буду отдыхати».
А уехал злой разбойник — со мной не прѣстился,
Уж и с той поры злодей со мной не водится.
И не видала я, девица, ровно десять лет,
Где злодей живет, где разбойничает.

Услыхала я, девица, на одиннадцатый год,
Что поймали разбойничка на большой Волге реке,
Допросили разбойничка, из какого роду-племени он был.
Показал злодей-разбойник, что он Стеньки Разина был сын»¹.

Фигурирующий в первом плане поэмы мотив нападения разбойников на купеческий корабль и похищение с корабля девушки, достаемой атаману, также известен в позднейших записях разбойничьих песен. В одной из них поется:

Выметывал наш Яликушка
На синем море Камынь остров.
На острове Камыне казаки живут,
Казаки живут, люди вольные.
Разбивали они на синем море
Бусы-корабли, все легкие лодочки.
Разбили одну лодочку с золотой казной,
Снимали с золотой казной красну девицу,
Красну девицу, раскрасавицу, дочь купецкую,
И начали делить золоту казну пуховою шляпой.
На кон клали раскрасавицу красну девушку
И начали между себя трясти жеребий.
Досталась атаманушке красна девушка.

Наконец, еще в Чулковский сборник (I, № 133) вошла песня о двух братьях-разбойниках, которых воспитал не отец, а «чужа-дальна сторо-на, понизовы города».

Ах далече, далече, в чистом поле,
Стояло тут деревцо вельми высоко;
Под тем ли под древом вырастала трава;
На той ли на траванке расцветали цветы.
Расцветали цветы, все лазоревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер;
На том ли на ковре два братца сидят,
Два братца сидят, два родимые;
Большо-ет братец в цымбалы играл,
А меньшо-ет братец песню припевал:
«Породила нас матушка как двух сыновей;
Вспоил-вскормил батюшка как двух соколов;

¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», М. 1868, вып. 7, сс. 42, 43.

Вспоивши, вскормивши, ничему нас не учил.
 Научила молодцов чужа-дальна сторона,
 Чужа-дальна сторона, понизовы города.
 Чужа-дальна сторона без ветра сушит,
 Без ветра сушит и без морозу знобит.
 Как думала матушка нас век не избыть,—
 Избыла нас родимая единым часом,
 А теперь тебе; матушка, нас век не видать¹.

В печатном тексте «Братьев-разбойников» явно дает себя знать и в стиле, и в лексике смешение двух языковых стихий, с одной стороны, народно-поэтической, идущей от устно-поэтической песенной традиции, с другой — книжной, литературной, иногда намеренно архаизированной, на что уже в момент выхода поэмы в свет обратил внимание Греч (см. ниже), а затем в конце 30-х годов критик «Галатеи»: «Разбойник из простолюдинов говорит по местам языком книжным, от этого в колорите происходит неверность, неточность — погрешность, от которой Пушкин не умел или не хотел освободиться»². В самом начале поэмы использован прием отрицательного параллелизма, типичного для народной песни:

Не стая воронов слеталась
 На груди тлеющих костей,
 За Волгой, ночью, вокруг огней,
 Удалых шайка собиралась³.

К народно-песенной формуле восходит и фраза:

В товарищи себе мы взяли
 Булатный нож да темну ночь...⁴

К стилю народной песни и к «простонародной» речи приближаются и следующие стихи поэмы:

Бывало только месяц ясный
 Взойдет и станет средь небес...

—

пьем, едим
 И красных девушек ласкаем...

—

И что ж? Попались молоды;
 Не долго братья пировали...

¹ О связи «Братьев-разбойников» с народными разбойничьими песнями см. еще В. Закруткин «Разбойничий фольклор в «Братях-разбойниках» Пушкина» («Резец», 1936, № 2, сс. 16–18). Эта связь делает излишней проводимую Л. Майковым аналогию между планами поэмы и описанием путешествия в Московию в 1665 и 1669 гг. голландца Стройса («Пушкин», с. 156).

² «Галатея», 1839, ч. III, № 24, с. 482.

³ Ср. в Чулковском сборнике (1, № 138):

Что на крутиньком на красном бережечке,
 Что на желтом на сыпучем на песочке,—
 Тут не черные вороны солетались,
 Собирались понизовые бурлаки...

В Новиковском песеннике 1780 г., ч. IV, с. 84:

Не голуби промеж себя воркуют,—
 Промеж себя разбойники речь говорили...

и т. п.

⁴ Ср. в популярной песне «Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка», вошедшей в Чулковский и Новиковский песенники:

Еще первый мой товарищ — темная ночь;
 А второй мой товарищ — булатный нож.

Меня в дремучий лес сманил...

Житье в то время было нам...

Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем...

В связи с указанными элементами народно-поэтического стиля находится и употребление в поэме слов из «простонародного» обихода, которые сам Пушкин в письме к Бестужеву считает недостаточно изысканными, способными напугать «нежные уши читательниц», вроде «харчевня», «кнут», «острог». К ним можно присоединить такие встречающиеся в поэме слова, как «шайка», «хата», «чарка», «тошен». Использование Пушкиным такого рода «простонародной» лексики, как указал еще Л. Н. Майков¹, находится в соответствии с определенной уже тогда тенденцией поэта к демократизации и опрощению литературного языка, о чем он писал около 11 ноября 1823 г. П. А. Вяземскому в следующих выражениях: «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, а по привычке пишу иначе»².

Нужно думать, известным соответствием стиля «Братьев-разбойников» только что приведенным высказываниям Пушкина о языке объясняется та высокая оценка «слога» поэмы, которую дал ей сам Пушкин. «Замечания твои насчет моих разбойников несправедливы,— писал он 14 октября 1823 г. в ответ на недошедшее до нас письмо П. А. Вяземского или зная по слухам его мнение о поэме,— как сюжет, c'est un tour de force, это не похвала, напротив; но как слог, я ничего лучше не написал»³.

Однако, наряду с элементами языковой «простонародности» в «Братьях-разбойниках» встречаются сплошь и рядом лексические особенности книжной речи, вплоть до церковнославянизмов («стеклися для стяжаний», «зрится», «брегов», «узы», «хладный», «хлад», «вдовицу», «стенанье», «глас», «могущ», «перстом», «мнил», «алкала», «ток», «внемля», «ловитва» и др.⁴.

Для современной поэту критики прошла незамеченной та сторона поэмы, которой особенно дорожил Пушкин и которую сумел оценить едва ли не один лишь Н. Н. Раевский — элементы ее народного стиля и реализма, проявившие себя как и в самом сюжете, так и в языке, каким написаны «Братья-разбойники». С этой точки зрения поэма представляла собой существенный шаг вперед в творчестве Пушкина: она, говоря словами Н. Н. Раевского, довершала «водворение у нас простой и естественной речи» и сводила поэзию «с ее ходуль».

¹ «Пушкин», с. 160.

² Пушкин. Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, I, 60.

³ Там же, с. 55.

⁴ О совмещении в поэме элементов народной и книжной речи см. у Л. Поливанова в комментарии к поэме в изд. «Соч. А. С. Пушкина с объясн. их и сводом отзывов критики» М. 1887, II, 54, и особенно у В. В. Виноградова «Язык Пушкина», Academia, М.—Л. 1935, сс. 417—419.

**ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
CLASSE DES SCIENCES SOCIALES**

№ 2—3

1937

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД**